

18+

Амаяк Тер-Абрамянц

ШОКОЛАДНЫЙ ВОЖДЬ

эстонский роман

Амаяк Тер-Абрамянц

Шоколадный вождь.
Эстонский роман

«Издательские решения»

Тер-Абрамянц А.

Шоколадный вождь. Эстонский роман / А. Тер-Абрамянц —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566225-5

Мало написано об Эстонии, а зря — прекрасная, чудная страна с упрямым, как в дружбе, так и в неприязни, народом. Роман отмечен критикой (Лев Аннинский «Дружба народов» 2013 г. №4, Олег Мраморнов «Книжное обозрение»). В основе его сопротивление силам, разрушающим человеческую личность. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-566225-5

© Тер-Абрамянц А.
© Издательские решения

Содержание

Роман	6
Едут!..	6
Туман	10
Полина Ивановна	17
Профессор Шулегин	20
Ночь	24
Политграмота	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Шоколадный вождь Эстонский роман

Амаяк Тер-Абрамянц

© Амаяк Тер-Абрамянц, 2022

ISBN 978-5-0056-6225-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман

Едут!..

Случилось это необычное происшествие где-то около пятидесятого года прошлого века в славном городе Таллине, который очередной раз стал писаться с одним «н», лишь пять лет после Великой Войны минуло. Никто уж сейчас и не помнит о нём, да и в моё время, когда ещё свежо было фронтовое поколение, об этом событии вспоминали редко, с неохотой и опаской. Много воды с тех пор утекло из реки Пирита в море, старики в основном перемёрли или разъехались, ярые враги и друзья по несколько раз уж менялись местами. Не ручаюсь потому за точность имён и званий лиц, принимавших в этом событии участие, одно знаю наверняка – БЫЛО!

В одну из ноябрьских ночей нагрянула в Эстонию высокая комиссия МГБ из самой Москвы. А точнее – с неба свалилась в зелёном двухмоторном самолёте с прямоугольными окошками. И как только самолёт коснулся посадочной полосы и побежал мимо её сигнальных огоньков, весь Таллин накрыл густой, как кисель, промозглый неподвижный туман.

Из самолёта по лёгкому трапу сползли на поле трое – в офицерских фуражках, в длинных шинелях. Их ожидала делегация военных, автоматчики охраны, лендлизские виллы и семиместный с длинным рылом правительственный ЗИС – 101.

Этот визит считался секретным, но, как это часто у нас бывает, о нём за несколько дней знало уже полгорода (а, может быть, и специально была допущена утечка информации). Ходили слухи, что он связан с браком на заводе «Двигатель», где строились подводные лодки, из-за которого якобы совершенно новая подлодка чуть не затонула в заливе, звучало, прошёптывалось таинственное и страшное слово «диверсия» и слух, что грядут большие аресты. Город замер: на улицах не было слышно голосов, люди выходили из домов только по крайней необходимости и на работу, молча торопясь преодолеть неуютное пространство улиц, хотя на самом деле надёжность их жилищ была всего лишь иллюзией – улица была даже в какой-то степени безопасней: органы предпочитали брать людей планомерно, спокойно и не спеша, по заранее намеченным адресам, под утречко, когда наиболее сладок сон. Все официальные лица торопливо подчищали свои дела. Подчёркивалась важность и секретность визита и тем, что он шёл по линии МГБ и о нём не был даже официально поставлен в известность первый секретарь ЦК Эстонии Кэбин – прознав о комиссии, он срочно уехал на дальнюю мызу, выполненную в стиле готического замка, и сидел с утра до вечера в кабинете, в угловой башенке, готовил доклад к предстоящему пленуму секретарей союзных республик в Москве, сочиняя небывалые о небывалых достижениях приборостроения и свиноводства в республике на пути строительства к неизбежному коммунистическому раю, почти ничего не ел, несмотря на баснословный в обычное время аппетит и огромный живот, и постоянно глотал настой валерианы.

А адмирал КБФ, базирующегося в Таллинском заливе, будто по какому-то совпадению, объявил внеплановые боевые учения, и в день перед прибытием комиссии все боевые корабли и подлодки вышли в открытое море, в поход, в туман, объявив полное радиомолчание, дабы не быть обнаруженными предполагаемым противником. Ушли все корабли, за исключением эсминца «Быстрый», находившегося на ремонте в Минной гавани. Говорили даже – опять же шепотком – что адмирал, едва услышав о грядущей комиссии из МГБ, грохнул тяжёлым кулаком о стол и заявил: «Ну, я этим сукиным детям ни одного моряка не отдам!» и тут же дал команду в поход.

Высокая комиссия состояла из генерала и двух полковников.

Генерал, глава комиссии, был низенький и толстенький, как колобок (вождь не любил держать рядом людей выше его ростом). У него был вытянутый нос со странной раздвоенной картофелинкой на конце, и оттого казалось, что он всё время приплюсывается. Звали его Матвей Савельич Хрипоносов. За ним не шёл, а будто струился согнутый вопросительным знаком, будто стараясь не быть выше генерала и присосаться к хрящеватому уху начальника, полковник Ломидзе, всегда весёлый, улыбающийся, с миндалевидными чёрными глазами восточный красавчик. Третьим был Марк Ильич Осиновский, славный тем, что отрёкся от собственного отца раввина, отправленного в лагерь: «Всем ответственно заявляю, – говаривал он нередко, хмуря кустистые брови, – мне за отца – Иосиф Виссарионович Сталин, и другого быть не может!»

– Ну и погодка! – матюкнулся Хрипоносов, оказавшись на земле и, оглядываясь, поднял воротник шинели.

Весь полёт он вспоминал своё свидание с вождём и сейчас нёс его в себе, нёс, нёс...

Вождь сидел за столом, а он стоял перед ним навтыжку своего короткого роста. Вождь держал в руке бумажку, попыхивал трубкой и шурился.

– Смотри, что делают, сволачи! – наконец изрёк вождь.

– Слушаюсь, товарищ Сталин! – выпалил Хрипоносов, но вождь бросил на него мутный взгляд:

– Расслабься, дурак, я с тобой по-человечески гаварю!

– Слушаюсь! – сглотнул ком страха Хрипоносов, стараясь придать своему взгляду выражение ещё более искренней преданности, однако позволил лицевым мышцам несколько обмякнуть. Он почувствовал вдруг необыкновенную любовь к этому великому человеку, который мог бы раздавить его одним движением пальца, щелчком, как паучка, как мошку таёжную, но не делает этого, давая главное – возможность жить, дышать!

Сталин встал из-за стола и зашагал по комнате, неожиданно маленький, сутулый, но оттого кажущийся ещё более угрожающим и опасным, как скорпион, – в одной руке погасшая трубка, в другой листок бумаги.

– Вот смотри, Матвэй! – сказал он, потряхнув бумажкой. – Здесь данные эмгебе из Эстонии. Это разве парядок?

Хрипоносов вытянул короткую шею в направлении к бумажке:

– Товарищ Сталин, да ежели чо не того, дак мы того!..

Сталин движением руки оборвал.

– Мало сажают, савсэм мало, панимаешь? А честных каммунистов убивают какие-то недобитки... – Сталин усмехнулся. – Гаварят, малэнькая республика, мало народу... а в Армэнии больше? А ты пасматри, какие показатели Анастас даёт: в два, в три раза больше! Маладэц, Анастас! В общем, Хрыпонос, кто там эмгебе?

– Арво Куйстик, товарищ Сталин.

Сталин сощурился:

– Эстонец, сваих жалеет! Ради такого дела жалеть! Ради кАмунизма жалеть – это наивисшее прЕступление! – (в особо важных словах вождь делал ударение на первом слоге). – Прошёлся: – Так, без всякой борьбы ми кАмунизма не добьёмся! Вот, поезжай, Хрыпонос, разберись...

– Так точно, товарищ Сталин, разберёмся!

– Ми тебе людей дадим в помощь: харёший парень Ламидзе от Лаврентия паедет, Осиновский – он глазом режит!

– Есть, товарищ Сталин! – весело теперь улыбнулся Хрипоносов, вытянулся и даже каблучками прищёлкнул. – Будет сделано, когда выезжать?

– А завтра, завтра и виезжайте, только летите сэкретным бортом, завтра ночью... Тебе Ламидзе всё скажет. Идите, – устало махнул вождь.

Хрипоносов вытянулся, отдал честь, развернулся, готовый было идти, как вдруг его остановил голос вождя.

– Товарищ Хрипоносов.

– Да, товарищ Сталин! – быстро развернулся Матвей Савельич.

– Ви человек свежий, – усмехнулся вождь, – прямо с Колими. Как там на Колиме?

– На Колыме, товарищ Сталин, растёт выработка золота и урана! – не без гордости объявил Хрипоносов, в глазах которого сразу восстало его бывшее хозяйство: бесконечные вереницы похожих не на людей, а на странных первобытных обитателей Земли, заключённых – врагов народа, шахты, распадки, кладбища с надмогильными колышками и прибитыми к ним дощечками с номерками – окончательное место назначения этих врагов.

– Да я не о том! – рассмеялся вождь, показывая свою простую человеческую сущность. – Климат как там?

– Двенадцать месяцев зима – остальное лето! – бойко отрапортовал Хрипоносов шуткой, популярной у заключённых.

И они вдруг, не сговариваясь, рассмеялись, как близкие друзья, привыкшие понимать друг друга с полуслова.

– Харащё, харащё, идите, – смеясь махнул ладонью вождь, – и скажите, у нас страна большая, на каждого эстонца найдётся своя Колима-а!

Это потом, уже в самолёте, он понял глубокий смысл этой шутки, когда у пилота случайно узнал, что «ма-а» – по-эстонски значит земля, и очередной раз подивился мудрости Учителя: «Вишь ты, грузинец, а все языки проведаль!»

Хрипоносов твёрдо шагал по взлётному полю. Навстречу ему спешили начальник МГБ Эстонии Арво Куйстик, его зам и негласный стукач-информатор, каждый день отписывающий донесения на своего патрона прямо в центр, Берии, подполковник Нечаенко, начальник управления МГБ Прибалтики, начальник тюремной службы Таллина...

– Здравствуйте та-арищи!

– Здравсьте, тарищи!

– А это тарищ... А это тарищ... – коротко представлялись они, но лиц во мраке почти не было видно, и Хрипоносов только махнул рукой: – Едем... А поближе познакомимся потом.

– Товарищ Хрипонософ, не угодно ли отдохнуть с дорожки? – предложил Куйстик.

– Не угодно, не बारे! – грубо оборвал его Хрипоносов, – сразу за работу! Отчитываться будете. Сначала отчёт – потом почёт, – он невольно покосился на Ломидзе. Тот, как всегда, чёрт его не разберёт, улыбался.

Шестеро человек проглотил огромный правительственный ЗИС.

– Куда? В МГБ, на Лай?

– Куда...?

– О, у нас всё утопно! – похвалился Куйстик, рассмеявшись. Это был толстенький белокурый человечек, похожий на розового поросёнка. – эмыгебе на улитсе Лай, остальные утсре-сдения в самке!

– Что? В какой ещё самке? – вздрогнул Хрипоносов.

– В самке, в самке, из камня котторый, – прояснил Куйстик.

– В замке, товарищ генерал, – подсказал Ломидзе, – у них там все министерства.

– Та, та, всё блиско, песком – и эмыгебе, и Верховный советт и министерство здравоохранения и турьмаа!

– А-а! – расхохотался Хрипоносов, – но вовремя спохватился и грозно нахмурился.

Машина мчала по шоссе, приближаясь к городу. Фары еле пробивали туман.

– Остороно, Ифан, – сказал Куйстик водителю, – не реп-пку везём – начальсфо!

Хрипоносов вздрогнул: что хочет сказать этот гад? Что за намёк на сказку? Дедка за репку, бабка за дедку или как там... «Ничего, приедем – разберёмся, какая у тебя сказка!». – злобно подумал Хрипоносов, доставая пачку Казбека и закуривая.

– А почему нет моряков? – спросил он.

– Сротсные учения, фсе усли в мор-ре – паевая трефога! – грустно вздохнул Куйстик, – по приказу атмирала...

– Ну, я им ещё покажу! – рыкнул Хрипоносов. – Голубая кровь, бля, понимаешь!

Туман

Молодой инженер-лейтенант эсминца «Быстрый» Владимир Климов возвращался домой из Минной Гавани поздно. Погода была под стать его настроению. В тумане расплывались редкие огни окон и фонарей, ещё «тех», готических, досоветских. Скоро их, наверное, по мере износа заменят на стандартные пузыри, светящие от океана до океана – с некоторой грустью подумал он: по всей стране идёт неизбежная унификация, стандартизация – плата за всеобщее благополучие... Влага оседала на шербатых известковых стенах домов и башен Старого Города, слезилась по ним, сливаясь в крохотные ручейки, поблёскивала на брусчатке мостовой. Редкие торопливые прохожие вдруг появлялись из тумана и в нём же исчезали, будто призраки. И сама его жизнь, доселе чёткая и ясная, теперь казалась порой Климову призрачной, ненастоящей.

– Стой! Кто идёт?

Из тумана показалось нечто конкретное: фуражка офицера и две пилотки, блеснула сталь автоматов – военный патруль... Зажужжал ручной динамофонарик, осветив лицо Климова и заставив его сощуриться.

– Ваши документы! – лица патрульных расплывались в сумраке.

Климов достал из внутреннего кармана удостоверение и увольнительную.

«Вижу-вижу-вижу... – жужжал фонарик, и свет переместился на бумаги.

– Так... – наконец сказал патрульный офицер.

Луч фонарика снова упёрся в лицо Климов: «Вижу-вижу-вижу...»

– Ничего подозрительного, товарищ лейтенант, не заметили? – донёсся глухой голос офицера.

– Да, ничего, – пожал плечами Климов, – а что?

– Ну, знаете, здесь же эстонцы, а вы военный, так что осторожнее, – доброжелательно посоветовал офицер, отдавая документы.

– Ну и что, что эстонцы? – вяло удивился Климов.

– Ну, сами знаете, они ещё к советской власти не приучены, всякое бывает, – офицер ещё раз козырнул, и через несколько минут патруль исчез в тумане, а Климов продолжил свой путь по улице Пикк.

Он думал о том, как всё было раньше в его жизни ясно и как запутанно и непонятно сейчас.

Раньше был враг – фашисты, эвакуация из родного Пскова, жизнь в убогом приволжском городке, похоронка, известившая о гибели отца в этом суровом море, старшего механика траулера «Коммунар». Перевозило это перегруженное судёнышко в 41-ом году из Таллина в Ленинград солдат и беженцев. В аккурат на траверсе мыса Юминда подорвалось на немецкой мине, да так, что никто не спасся – с бывшего вблизи морского охотника свидетели рассказывали, они дважды прошли над местом бедствия – только щепки да трупы... Мать говорила, ещё повезло, что отца в пропавшие без вести не записали. Пропать без вести, значит автоматически очутиться под подозрением в измене родине, и тут уж все члены семьи почти враги народа... Отца он уже помнил не очень чётко, да и нечасто тот бывал дома – всё в плаваниях, да ещё в каких-то непонятных разъездах. Был большой, сильный, пахнущий мазутом мужик, не слишком обращавший внимание на своего отпрыска, а будто всё время погружённый в одну неотступную, самую важную думу, по сравнению с которой всё окружающее второстепенно. Лишь иногда поднимал взгляд он на сына в каком-то неом удивлении, будто увидев его впервые. Обычно приезды его омрачались запоями и скандалами. Причины такого тяжёлого поведения маленького Володю удивляли и возмущали, ведь он с такой радостью поначалу ждал приезда «тятки».

– Мам, а мам, – говорил он тогда, – а зачем папка пьёт?

– Водка, водка проклятая всему виной, – вздыхала Полина Ивановна.

– А хочешь, когда я вырасту и стану сильнее, я его так побью, что он больше к ней не приронется?

– Бог с тобой! – испуганно отмахивалась Полина Ивановна. – Битого-то за что бить? Жизнь у него тяжёлая была – ни отца, ни матери...

– А почему? Их беяки убили?

Губы Полины Ивановны вдруг плотно сжимались, взгляд уходил в сторону.

– Больно рано тебе ещё знать, – наконец вздыхала она, – придёт времячко – расскажу...

«Значит беяки! – думал он. – Просто больно ей досказать!» – и кулачки сжимались в ненависти к «проклятому царизму», только от которого, как объясняла учительница, и оставалось, и тянулось всё негодное и горькое в жизни.

И мнилось ему не раз: летел на коне в атаку с шашкой наголо его геройский дед – ну точь-в-точь Чапаев в фильме, а бабушка, в белом халате с красным крестом на сумке, раны перевязывала ему... А потом их вместе ведут на расстрел эти пузатые, лощёные, в золоте, буржуины... А дед перед ними как развернётся, как крикнет, руку в кулаке вскинув: «Да здравствует Мировая Революция!...» – и он впивался в подушку, чтобы не слышать страшного залпа.

Отец, однако, не буянил, не дрался, как иные соседи пьяницы, а валился с ног и спал несколько суток, пробуждаясь лишь для того, чтобы сбегать в ближайший магазин за водкой. А после протрезвления на него напускалась жена, но он сносил её упрёки спокойно, словно шелест ветра, а в глазах снова появлялась неотступная дума.

Однажды, как раз накануне войны, ещё не вполне очнувшись после такого запоя, он вдруг остановил сына, схватив за рукав.

«Слушай, Вовка! Слушай внимательно и запоминай! Не было на земле никогда Правды, нет нигде и никогда не будет!»

– Да что ты мелешь такое, чему учишь дитя-то?! – напустилась на него жена. – Ум свой совсем пропил, видать! – но он будто не слышал, а также упорно и пытливо смотрел на сына.

– Да отпусти ж ты его! – наконец замахнулась Полина Ивановна полотенцем, которым вытирала тарелки, и тогда отец отпустил его, пошарил карманах брезентовых штанин и вытащил оттуда какой-то болт – «На!»... Потом Володя долго носил его с собой и хвастался перед сверстниками, что это главный болт на корабле – отверни его – и корабль рассыплется!

Но горе утери отца почувствовал через горе матери, почувствовал так остро, что из весёлого, беззаботного мальчишки стал замкнутым, сосредоточенным, другим: тогда он дал себе клятву стать моряком, как его отец, и отомстить фашистам, и ненависть к врагу становилась священной... Эта ненависть странным образом собирала его в единое целое, понуждала аккуратно учиться, помогать матери, которая работала прачкой и уборщицей в эвакогоспитале.

Потом было возвращение в разбитый, разрушенный Псков, по сравнению с которым оставленный приволжский городок казался раем земным. Тяжёлая работа матери на стройке, и уборщицей в госпитале. А он упрямо учился, чтобы поступить в морское училище. Город медленно восстанавливался, расчищался.

Дважды он бросал вместе с другими подростками обломки кирпичей в колонны немецких военнопленных, возвращающихся с работ. Второй раз его поймал милиционер и привёл домой. Его заперли в комнате, и о чём-то милиционер с матерью говорил, и он с тайным ликованием услышал, что какой-то из кирпичей повредил голову какому-то немцу. Потом мать говорила с ним долго, чтобы он такого не повторял, а он слушал нахмурившись, сжав зубы. «Они тоже люди, – вздыхая, говорила мать, – их Гитлер воевать заставил». «Они не люди! – яростно выкрикнул он, – они нашего папку убили!» «Пусть лучше города восстановят, которые разрушили», – увещевала Полина Ивановна сына. «Мы и без них восстановим!» – огрызнулся впервые матери Володя. Месть кровавая для него была несравненно важнее и слаще. И только

одно подействовало: «Если будешь и дальше так себя вести, ни в какое училище не возьмут, а сядешь в тюрьму вместе со своими друзьями, а они туда точно сядут!»

Потом поступление в военно-морское училище в Ленинграде, офицерский кортик – и назначение сюда. Да, здесь и погиб его отец, простой моторист минного тральщика, в 41-ом, у мыса Юминда во время перехода флота из Таллина в Ленинград. И мины до сих пор ещё находили в этих водах. Об одном он сильнее всего жалел тогда, что война слишком быстро закончилась и не успел он отомстить фашистам – только те два кирпича, летящие в колонну, и остались его личным вкладом в Великую Отечественную.

Здесь, в Таллине, он почти сразу встретил Марту – у памятника «Русалке» познакомились. Море серебрилось мелкими волнами, как кольчуга, чёрный крылатый ангел на вершине розовой гранитной скалы благословлял крестом корабли на рейде, глухо гудели корабельные сирены... Он, в парадной форме военного моряка (чёрный бушлат, светлый шарф, золотые якоря на пуговицах и фуражке с белым верхом и золотой кокардой), важно рассказывал ей историю затонувшего во время шторма броненосца вместе со 177-ю душами, которую она, конечно же, сотни раз слышала, но делала вид, что внимательно слушает. А когда он закончил, сказала:

– А теперь я расскажу вам другую историю, тоже об этом памятнике, но историю его создания и любви... Его создал известный в Эстонии скульптор Амандус Адамсон. В доме у него работала 17-летняя горничная Юлиана Роотси – между ними возникла любовь. И вот именно с неё он изваял того ангела, который стоит наверху... – Они вместе, не сговариваясь посмотрели вверх, и он отметил, какая у этого ангела гладкая и элегантная пяточка:

– Да, – сказал он, – зимой, наверное, ей холодно... – И они рассмеялись.

– Это было почти полвека назад, – продолжила она, – но говорят, что она ещё жива и приходит сюда иногда посидеть на лавочке, встретиться со своей молодостью... Посмотри на этих старушек на лавочках, – может быть, она из них!

На лавочках напротив памятника и впрямь сидели старушки, целых три – седенькие, аккуратные, в очочках: одна, высокая, что-то вязала, другая читала книгу, третья в старомодной шляпке просто сидела, сидела прямо, прикрыв глаза и положив руки на кожаную сумочку на коленях.

– Может это она! – В глазах Климова вспыхнуло любопытство. – Давай подойдём и спросим?

Марта удивлённо посмотрела на него:

– Нет, у нас так не принято!

– Как?

– А так... входить в чужую жизнь без приглашения, человека тревожить... А может быть, ей сейчас ни с кем общаться не хочется, откуда мы знаем? Это у вас, русских, всё просто, – тон её стал неожиданно насмешливо задиристым, – все – мамани, папани, братишки, сестрёнки... и каждый может сунуть нос в душу другого без спросу: как вам спалось, например, спросить, что снилось, а куда вы вчера ходили вечером? Особенно начальство любит спрашивать. – Скажи, – она неожиданно перешла на «ты», – ну что у вас, у русских, вообще хорошего есть? – Марта смотрела на него со спокойным насмешливым высокомерием, но и с некоторым любопытством.

И он внезапно посерьёзnel, выпрямился, поправив флотскую с якорем фуражку, и гордо выпалил, как на духу, не раздумывая:

– Товарищество! Дружба! Такого, как у русских, товарищества нигде не найдёшь! Не зря же у нас говорят: «Сам погибай, а товарища выручай!». Ни у одного народа больше нет такой пословицы! «За други своя и живота не жалко!» – «живота» – значит жизни!

– Это потому, что вы много воюете, – вздохнула Марта.

– Товарищество, братство, морское братство! – рубил Климов воздух ладонью.

Марта смотрела на него внимательно, ничего не отвечая, только уголок рта её вдруг дрогнул в полуулыбке.

С того момента весь мир отступил на второй план: её образ стал преследовать его днём и ночью, и чем дальше и непонятней она казалась, тем сильнее притягивала, как терра инкогнита притягивает настоящего моряка, – ему снова и снова хотелось увидеть её платиновые волосы, улыбку, немного выступающие скулы и лоб, прохладные, прозрачные, светлые глаза, в которых он моментально тонул, увидеть её стать, лёгкую походку, которую даёт ловкое здоровое тело.

В последнюю очередь думал он тогда, что она эстонка, Она была богиня, а всё остальное, земное, безусловно, приложится, ведь главное – они любят друг друга! И они зарегистрировали брак.

Марта была школьной учительницей эстонского языка. Родители её жили в скромном одноэтажном деревянном домике с садом на окраине города, отец – инженер, мать – домохозяйка, в своё время хорошо знали первого главу правительства советской Эстонии романтика-коммуниста Иоханнеса Барбаруса, который застрелился в 1946 году.

Они поженились. Нет, она не была влюблена – безошибочным инстинктом женщины почувствовала, что этому человеку можно верить, можно будет всегда опереться на его плечо, что это человек единого слова, единого решения, с которого не свернёт. Какое-то убаюкивающее спокойствие исходило от этого русского крепкого парня с высоким лбом и светлыми глазами, будто постоянный тёплый ветерок. Она увидела в нём задатки подлинного интеллигента, которые лишь надо было развить, развернуть в правильном направлении. А его критическому уму дать другую пищу, нежели марксизм. Климов относился к тем немногим людям, которые не трусили сами перед собой, признавая Правду, какой бы она ни была нелицеприятной, если появлялись неопровержимые доказательства. Честный, прямой, по-молодому горячий, он обладал в то же время бесстрастным, постоянно и упрямо стремящимся к истине умом...

В доме у эстонских тестя и тёщи Климов был всего лишь раз, с Мартой. По всей видимости, брак они этот не одобряли. Несмотря на то, что Володя, как мог, старался произвести на них наилучшее впечатление, встреча произошла довольно холодная. За столом пили кофе с цикорием, и в разговоре чувствовалось много недосказанностей. На его вопросы о первом председателе президиума верховного совета Эстонской ССР, поэте, Иоханнесе Барбарусе и его загадочном самоубийстве больше отмалчивались. Зато Марта говорила такое, что у них в ужасе округлялись глаза. «Да понял он, что ваш коммунизм обман, вот и застрелился!» – жёстко усмехалась Марта.

Климовым дали жильё в коммуналке – целых две комнаты, хотя и смежных. Благодаря «уплотнению классово чуждого элемента» – профессора русской литературы Шулегина Дмитрия Николаевича, русского послереволюционного эмигранта, сын которого погиб в Белой гвардии. Шулегину осталась комнатка, служившая ему кабинетом, кухня становилась общей. Впрочем, Шулегин обиды на неожиданных соседей не держал. Ему было достаточно забитого книгами кабинета со старым письменным столом перед окном, креслом, стулом и продавленным диваном. Одиноким старик даже обрадовался появлению этих новых и, как оказалось, таких разных молодых людей.

Что касается быта, то новая пара жила в полном ладу, но почти немедленно на семейном небосклоне вспыхнули идеологические споры, доходившие порой до не свойственной эстонцам точки яростного кипения. Не раз Шулегину приходилось быть их невольным свидетелем и, по просьбе Марты, даже арбитром.

Очень скоро Климов узнал, что Марта ненавидит и презирает всё советское и русское (она не разделяла эти понятия) и ужаснулся. Он-то, со свойственной молодости самоуверенностью, думал, что сможет сделать, благодаря любви, с этой женщиной то же, что скульптор делает с глиной, придавая ей нужную форму, но оказалось, что он имеет дело не с пластили-

ном, из которого можно творить желаемое, а с твёрдой гранитной скалой, человеком совершенно сформированных убеждений.

Марта говорила ему прямо такие вещи, от которых волосы приподнимали его флотскую фуражку с кокардой. О таких взглядах полагалось сообщать «куда следует», но о таком он и помыслить не мог. Он был уверен в своих убеждениях, был уверен, что Марту всё же удастся переубедить.

Спорили они часто. Ещё в училище Володя изучал Маркса с огромным искренним интересом. Казалось, на каждый теоретический вопрос он мог бы ответить, но Марта крыла его всякий раз примерами из жизни, и часто после очередного «почему» Марты спор обрывался, и Володя, не найдя немедленного ответа, долго рылся в конспектах, листал двухтомник избранного Маркса и даже ходил в библиотеку дома офицеров, где имелось полное собрание сочинений классиков марксизма. Но и там он часто не находил ответа на простые вопросы и вздыхал, сетуя на свою малообразованность. Бредовых текстов Ленина, представляющих определённый интерес для психиатра, как обычный, нормальный, мыслящий человек, он вообще не понимал, но относил это за счёт своего недостаточного интеллектуального развития. Что-то подсказывало ему, что браться за аргументы Сталина – запрещённый приём, тем более, что втайне считал преждевременным оценивать его теоретические постулаты.

Тем более что у Марты вдруг появился неожиданный союзник в спорах с Владимиром – их сосед, профессор Шулегин – во всяком случае, в том, что касалось существующей власти. Что касалось Эстонии и России, мнения Марты и профессора расходились. Профессор был русофилом, а Марта – яркой сторонницей идеи независимости Эстонии.

Старик сосед и молодой морской офицер быстро сблизились и частенько проводили вечера на кухне за чаем, беседовали, и Шулегин поражался, как мало знает советский офицер, а Климов жадно глотал старые книги по истории России с ятями, которые давал ему профессор, – Карамзина, Соловьёва, Ключевского... Он понимал, что эти книги запрещены, но с удивлением не находил в них ничего антисоветского.

Внутреннее состояние Климова оказалось взбаламученным, смутным: кто враг, кто друг? – неужели нет той системы, которая сразу всё определила бы? Неужели мир настолько сложен, что каждый атом необходимо оценивать в отдельности?

Но в лучшие мгновения с Мартой растворялось «высшее» – политическое, классовое, национальное... разделяющее человечество, обязывающие ненавидеть и презирать огромное число незнакомых людей.

Марта говорила часто такое, во что поверить с первого раза было порой просто невозможно. К примеру, что в буржуазной Эстонии жили вовсе не плохо и даже лучше по сравнению с нынешним временем (это прямо противоречило заученной идее, что при социалистическом строе народ живёт лучше, чем при капитализме), что советские газеты врут, что многих арестовывают ни за что и отправляют в Сибирь – последнее, к сожалению, он видел вокруг себя всё чаще – исчезновение людей, целых семей, объявленных вдруг врагами народа, и были среди них те, о которых он точно знал – никакими врагами быть они не могут. Ну, это ошибка, ну, это исключение – уговаривал он себя на первых порах. Но уж очень много таких «исключений» с каждой неделей набиралось – брали и эстонцев, и русских, и евреев, и татар... Беда была в том, что он был от природы человеком анализирующим, и чем дальше, тем больше получалось, что Марта права...

Марта обладала быстрым рациональным умом и частенько ставила его в тупик и по теоретической части, безжалостно расшатывая его внутреннюю целостность. «Как же так, – насмешливо говаривала она, – твой Маркс считает классовые противоречия движущей силой общества, а как же сможет существовать твой коммунизм, если все противоречия исчезнут?» – «Ты, ты погоди, – махал он рукой, – ты не смешивай...» – «А ты объясни!» – «Конечно, объясню! – говорил он и кидался в комнату рыться в томах избранных сочинений Маркса и Энгельса, –

вот я тебе сейчас найду! У Маркса всё есть!» – Не находя, злился, а Марта усмехалась. «Да ведь есть ещё другие противоречия – между обществом и природой!» – выкручивался он, листая страницы. – «Да я вот завтра пойду в библиотеку дома офицеров – там полное собрание сочинений!» Марта хихикала: «Ищи, только на девушек других не заглядывайся!» На это Климов только возмущённо тряс головой.

В доме Марта говорила исключительно на эстонском, и он удивительно быстро и с охотой освоил этот певучий, плывущий язык, но при Шулегине, и, тем более, когда приезжала мама, Климов всегда говорил по-русски, а Марта демонстративно обращалась к мужу при них только по-эстонски – он отвечал по-русски, он спрашивал по-русски – она отвечала по-эстонски. Шулегин лишь улыбался в усы – эстонский он знал, а вот Полину Ивановну это ужасно расстраивало – она вся каменела и поджимала губы.

Однажды Марта твёрдо заявила мужу:

– Мои дети будут эстонцами! И они будут свободными людьми!

Он только пожал плечами; он слышал, что, если женщина в положении, с ней спорить нельзя.

Через десять месяцев после свадьбы у них родился сын. Марта назвала его Артуром, и Володя не мог перечить, хотя в этом имени чудилось что-то совсем чужое. А вот Марта с детства зачитывалась книжками о рыцарях Круглого Стола. «Сэр Артур!» – так называла она его про себя, когда ещё носила, и так обращалась к нему в своих мысленных разговорах с ним, когда чувствовала шевеление в животе. Почему-то она была на сто процентов уверена, что родится мальчик.

Мальчик был живой, беленький. Марта несколько месяцев после родов гордо сияла. Однако на четвёртом месяце врачи стали отмечать странности у ребёнка – он не фиксировал взгляд на игрушках, предметах и людях, реагируя только на звуки. Приговор врачей был страшен: врождённая слепота.

У Марты сразу исчезло молоко, и пришлось перейти на детские смеси. Марта на какое-то время будто окаменела, окаменел и он. А жизнь текла по накатанному руслу из дня в день, с кормлениями, сменой пелёнок, стирками, пением Марты над младенцем, будто ничего и не произошло. А ребёнок улыбался, смеялся на ласковые звуки речи, счастливый в своём неведении.

И Марта, и Володя молчали, но несли в себе ежеминутно: «Это нам божье наказание!» За что? – думать дальше не хотелось. Зато все окружающие – родители Марты, Полина Ивановна, соседи – знали прекрасно: нельзя, нельзя было вам таким разным соединяться. И от этого было ещё отвратительнее – от этой примитивной их правоты! Молодые сердца не хотели смириться с таким приговором, не могли...

Однажды Марта так и сказала Владимиру с грустной усмешкой, их словами: «Это нам Божье наказание!»

«Какое Божье наказание, Бога нет!» – хотелось выкрикнуть ему, но он сдержался, ибо начал колебаться в своём атеизме – так всегда бывает, когда человека постигает великое горе: он пытается найти Высшее.

– Марта! – говорил он. – Я сделаю всё, что смогу, я найду докторов, я никогда вас не оставлю.

Она холодно посмотрела на мужа.

– Я его никогда не оставлю! – она положила руку на голову ребёнку, и тот заулыбался во сне. – А тебе я даю полную свободу...

– А я её не возьму! – сжал зубы Климов. – Марта, прости меня за то, что я тебе встретился, – вырвалось у него глухое.

– То же самое я могла бы сказать тебе, но не скажу... Потому что во всём этом есть какой-то смысл, понять который мы, люди, просто не можем! Ты ни при чём, мой милый, – она погладила его по щеке, – главное – мы люди. Это главное.

– Да, мы люди, – кивнул он, пожимая ей руку. – Мы им всем докажем! И самому Господу Богу, если он есть! Докажем!

Туман скрадывал шаги. Где-то в подвале, ниже уровня мостовой, сиял свет, и сквозь решётку была видна часть чужого жилища: широкий стол, какие-то чертежи и линейки, циркуль и отсвечивающая уютным светом лампы лысина в серебристом венчике.

«Наверное, у него всё в порядке – здоровые дети, внуки... – подумалось Климову, и тут же пресёк себя: – А тебе откуда известно? У каждого своя печаль, особенно у жизнь прожившего – возможно, сын и здоровый, да пьяница или под арестом... Кто знает?»

С тех пор как он стал ощущать противоречивую сложность жизни, разрушающую теории, схемы, традиции, сотрясающую, казалось, незыблемые убеждения, всё большее отдохновение и цельность душевную находил в работе, на корабле – там было всё объяснимо. А если и попадались сложные технические задачи, то конкретные, решаемые... Вот корабельный дизель, турбины, винты – здесь было всё чётко, логично. Была неисправность – он находил её, и это было как маленькая победа.

Вот и сейчас он стал думать о том, что завтра надо будет в последний раз проверить систему охлаждения двигателя – насосы, кингстоны, и сразу успокоился.

Полина Ивановна

Когда Полина Ивановна впервые приехала в Таллин к сыну-моряку, её поразила сохранность и порядок в городе по сравнению с раскорёженным войной и до сих пор только приходящим в себя Псковом. В ближайшем магазине её потрясло наличие продуктов, о которых в России подчас могли только мечтать: лежали на прилавках сыры, яйца, сливочное масло, колбаса, тушёнка, конфеты, и молоко! – в общем, всё то, что в каких-нибудь ста километрах отсюда, в полуголодном Пскове можно было «достать» с трудом превеликим, отстояв после работы огромные очереди по отдельности, в разных магазинах разных районов города. А здесь и очередь совсем небольшая – человек десять-двенадцать! А ещё Марта говорила, что «стало хуже», мол, раньше и очередей не было вовсе, – вот в эту байку Полина Ивановна сразу и навсегда не поверила! А живший здесь ещё до войны старик Шулегин, которому она больше доверяла как русскому, проворчал, что, дескать, «ассортимента» не стало. Это слово Полина Ивановна услышала впервые, но спрашивать постеснялась (у Вовки узнаю, решила). «Жируют, жируют... – подумала она горестно-ревниво, – видать, война мимо них совсем прошла!»

– Кто крайний? – спросила она у очереди.

Никто ей не ответил, хотя вся очередь вдруг обернулась к ней: лица холодные, отчуждённые, с тяжеловатыми, как у Марты, скулами... Кто-то что-то сказал на непонятном языке, какой-то голос ответил, но не ей. Однако она почувствовала, что сказанное касалось её, сделалось неуютно. Но была она неробкого десятка: «Ну и пусть лопочут по своему!» – подумала и, сжав губы, решительно встала в самый край очереди за пожилой высоченной эстонкой.

Очередь двигалась довольно быстро и спокойно, продавщица (таких ещё Полина Ивановна не видела!) – чистенькая миловидная девушка, в синем элегантном халатике с «крылышками» и в белом с рюшами чепчике, приятно улыбалась, в отличие от российских торговек в вечно засаленных халатах, для которых обляять покупателя было неписаным правилом. Здесь же покупатели негромко спрашивали, ангелоподобная продавщица, мило улыбаясь, спокойно отвечала, взвешивала и заворачивала товар в вощёную бумагу и рассчитывалась... «Культура!» – с некоторой завистью подумала Полина Ивановна. Когда она подошла к весам, за ней уже стояло человек шесть-семь.

– Так, дочка, – деловито сказала Полина Ивановна строго благовидной беленькой продавщице в рюшечках, – сыру полкило, масла сливочного двести грамм, колбаски грамм триста... Во сколько обойдётся?

Девушка на миг окаменела от слова «дочка», однако тут же взяла себя в руки и, не двигаясь, смотрела Полине Ивановне прямо в глаза и мило улыбалась.

Полина Ивановна повторила заказ, но девушка так же не двинулась, продолжая мило улыбаться.

– Ма ei saa agu, – сказала она наконец, – я не понимаю русски...

– Как не понимаешь? – удивилась Полина Ивановна и закипятилась, – да что тут понимать-то – вон сыру, сыру отрежь, взвесь кусок, – она указала на жёлтую голову сыра на витрине под стеклом и на медово-жёлтый куб сливочного масла, уже сильно урезанный.

Девушка с готовностью закивала, куда-то наклонилась, и скоро на прилавке перед Полиной Ивановной возникли пять коробок спичек и пачка соли.

– Ei saa agu. – улыбалась девушка.

За спиной Полины Ивановны послышался смешок. Краснолицый мужик с водянистыми глазами смотрел на неё с высоты своего роста и ухмылялся.

– Ах, вот вы как! – поняла всё Полина Ивановна и горькая злость подступила к горлу, – а мы вас ещё освобождали! Ну дай Бог вам по делам вашим! – она схватила пустую авоську с прилавка и бросилась к выходу, чтобы не разреветься на глазах у этих... которым она и слова

сразу подходящего найти не могла, но у самых дверей развернулась и бросила всей очереди гневно самое для неё страшное, что только мог сказать русский человек живому человеку, хуже самой многоэтажной матерщины:

– Вы – не люди! Вы – ФАШИСТЫ!

– Мы – люди! – вдруг донеслось из очереди, но она уже не слышала, хлопнула дверью и лишь на улице дала волю слезам, которые уже никто не мог увидеть, к тому же моросил мелкий тёплый дождь.

Она шла домой, сжимая пустую авоську, заклиная шёпотом: «Фашисты... фашисты... фашисты!»

А тем временем в магазине после её ухода возникла дискуссия – на эстонском языке, естественно. Тот, который стоял в самом конце очереди – высокий пожилой человек с длинным черепом и вдавленными висками, был пастор Каллас из Святодуховской церкви, хорошо известный в Таллине. Стоял он в конце, потому что все знали: непременно откажется, если кто-либо попытается пропустить его вперёд.

– Милая девушка! – покачал головой пастор. – И зачем вы так нехорошо поступили с этой пожилой женщиной?

– А за что они всю мою семью, отца, мать и братьев в Сибирь сослали? Только за то, что мы отказались идти в их колхоз! – глаза девушки не улыбались, а светились холодной ненавистью.

– Да, но причём тут эта женщина? Она может просто многого не понимать и не знать...

– Да все русские хороши, – слышалось из очереди, – зачем едут и едут сюда?

– Но вы же не знаете её обстоятельств, – возражал Каллас. – Может, и не по своей воле она здесь!

А очередь продолжала разными голосами:

– Да кушать сюда едут, голод у них, вот и едут вместо того, чтобы у себя работать!

– Лентяи и пьяницы! – выкрикнул женский голос.

– Тише, вас арестуют!

– Но ведь эта старая женщина не виновна! – продолжал качать головой Каллас.

– Фашисты, – хмыкнул краснолицый детина, – да при немцах лучше было! И правы немцы: они низшая раса, они даже ложку из чашки не вытаскивают, когда чай пьют! Русские, евреи и негры – одно!

– Тише, вас арестуют!

– А у меня сына посадили ни за что! Пусть теперь и меня сажают!

– Тише, нас всех арестуют!

– Эстонцы, эстонцы, – качал головой Каллас, – ведь вы в церковь ходите!

– А вы слишком добры, уважаемый пастор, – сказал краснолицый, – вы к небесам ближе, чем к Эстонии, вы всех жалеете – это ваша работа...

А Полина Ивановна тем временем шла по улице, глотая слёзы обиды и сжимая пустую авоську в кулачке, и самое горькое в её мыслях было: «Сын мой, сын, Вовочка милый, как же угораздило тебя с вражьем племенем породниться, они ж твоего тятку топили! Это они! – те, что в очереди стояли... – И воображение дорисовывало к суровым скуластым лицам высокие немецкие рогатые каски. – И Марта твоя волчицей смотрит... Уйду, уйду от тебя к чужим людям русским, как только Артурчика несчастного чуть помогу поднять... перетерплю... жена, конечно, важнее матери!.. Это для неё, для Марты, значит, я тебя поднимала, растила, над-рывалась, ночи не спала, сердце тряслось, когда ты болел... Господи! Уйду к чужим русским людям, няней наймусь, пусть стыдно будет ему, офицеру... – с мстительной горечью думала она, – но не уеду совсем, не смогу, ближе тебя ведь никого у меня не осталось... буду рядом, буду навещать! Буду... Милый...»

Она шла, глотая слёзы и сжимая сетку в кулачке, как вдруг из тумана появились две чёрные страшные фигуры. Пуговицы на сюртуках блестели, на плечах были метлы и щётки, лица чумазые...

– Тэрэ! – закричали они весело хором, заставив вздрогнуть женщину. Это были знаменитые на весь Таллин трубочисты-весельчаки – Яан и Петер. Яан был маленький, толстенький, Петер – высокий, длинный.

Полина Ивановна отшатнулась: ей показалось, что она увидела чертей во плоти, что было совсем неувидительно в этом чужом городе:

– Свят! Свят! Свят! Боже милостивый! Сгинь бесово отродье, – перекрестила она их по-православному, а они, смеясь, радуясь предстоящей кружке пива после нелёгкой работе лазанья по старой ветхой черепице крыш и прочистке дымоходов, исчезли в тумане.

– Как ты думаешь, Петер, вкусное сегодня будет пиво у Тоомаса?

– Очень вкусное, судя по тому, как нас благословила эта добрая русская женщина! – ответил Яан, и они расхохотались, а Яан пальцами изобразил у себя на голове рога и, присев на корточки, просеменил так пару метров.

Она шла, еле разбирая дорогу, глотая слёзы обиды, сжимая пустую авоську. «Ну вот, Марта, – говорила она сама с собой, – вот твои йестонцы!». За что, за что это ей? За то, что немцы убили мужа, Володю старшего, за голод, за работу в эвакогоспитале, самую тяжкую и грязную, а после этого поиски пропитания к скудному пайку для нездорового, растущего Володи? А бессонные ночи с его простудами, после которых шла на дежурство, оставив больного сына на нерадивую соседку? И сердце материнское разрывалось... И всё, чтобы отдать ИМ? Седеющие волосы шевелились у неё на голове, страшась произнести страшное ненавистное слово на НИХ, на Марту...

Дверь открыла Марта и, не спрашивая, всё поняла.

– Вот, Марта, твои... – бросила на стол пустую скомканную сетку и смятые деньги Полина Ивановна. – Накормили!

Полина Ивановна, не глядя на Марту, сняла и повесила плащ, сунув ноги в домашние тапочки, прошла к ребёнку. Марта же, поджав губы, надела боты, плащ, взяла брошенную на стол сетку и, ни слова не говоря, хлопнула дверь.

Полина Ивановна подошла к детской кровати. Белокурый ребёнок лежал, широко раскрыв глаза. Полина Ивановна повела рукою у него перед лицом, которое тут же сморщилось, будто ребёнок хотел заплакать, но вместо этого только чихнул.

«Да видит он! Видит, видит! – ударило в голову Полине Ивановне. – Что они мелют про слепоту-то!» Она ещё раз провела перед лицом ребёнка ладонью, однако он никак не среагировал: лицо и ясные глаза оставались неподвижными. Она потрясла яркими погремушками, и ребёнок, заулыбавшись, вытянул вверх пухлые в тесёмках ручки, залепетал что-то неопределённое, доброе, ласковое. Погладила его.

Ребёнок закрыл глаза и тихо засопел. Он был сыт – пустые бутылочки из-под жиденькой манной каши стояли у кровати.

Полина Ивановна вздохнула, на переносице обозначилась морщина, горькие складки в углах рта стали резче. Она тихо отошла от ребёнка в другую комнату, где ей был выделен диванчик, достала из кожаной сумочки старую потемневшую иконку Божией матери с Младенцем, поставила на тумбочку в изголовье дивана, по привычке опасно оглянувшись, опустилась на колени и начала молиться: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится Имя Твоё, да будет воля Твоя на Земле, как и на Небе...

Профессор Шулегин

Приятно было после промозглой уличной сырости и сумрака сидеть в ставшей общей кухне, потягивать чай, слушая, как гудит в плите голубое пламя горящих торфяных брикетов.

Дмитрий Николаевич и Володя, в домашних пижамах, сидели, как это уже не раз бывало, за столиком, покрытым клеёнкой с полустёртыми цветочками, и тихо беседовали. Только на этот раз беседа почему-то вышла за относительно безопасные пределы седой русской старины и коснулась тем опасных, и они невольно понизили голоса. С потолка светила свисающая на проводе зоркая лампа.

Володе вдруг захотелось доказать свою правоту этому старому, отставшему от времени человеку, ведь он, советский морской офицер, как никак, уже кандидат в члены партии и ни сегодня-завтра будет носить в кармане величайшую драгоценность – партбилет!

– Да, – сказал, наконец, Володя, – теперь я многое понял, Дмитрий Николаевич! Только вам могу это сказать... Сталин, Сталин всему виной! Он исказил линию партии! Эх, если бы Ленин был жив! Всё было бы по-другому, я вас уверяю!

– Милый мой, наивный молодой человек! – потупился Дмитрий Николаевич, помешивая ложечку в чашке. – Да знаете ли вы, что всё это с Ленина и началось? И лагеря (первый он на Соловках открыл), и бессудные расстрелы тысяч невинных людей лишь за то, что на ком-то был каракулевый воротник, а кто-то носил очки... По этим признакам классовых врагов вычисляли, да ещё по тому, у кого ногти на руках были чистые и стриженные! Великий Хам стал задавать тон всему, и в манере поведения и в одежде! И эту распущенность наш бедный народ перепутал со свободой!

– Ну вы даёте! – ахнул Климов и тут же рассмеялся. – Ну вот в это я никогда не поверю! Ленин и лагеря? – Клевета! Да Ленин был чистейшим человеком, только добра желавшим всем народам! Детей как любил! Лунную сонату! Кстати, а помните первые его декреты? О мире и о земле, о том, что для рабочего человека, для крестьянина, для уставшего от войны солдата, было главным! Скажете, разве не было?

– И дал он России этот мир? – взглянул на Володю Дмитрий Николаевич осторожно. – Германская война закончилась для Европы в 1918 году, а Россия кровью захлёбывалась ещё четыре года! И это его ленинский мир?

– Он не знал, что так повернётся, – ляпнул Володя, невольно чувствуя, как краснеют уши, но не находя нужных слов, знаний. – Да в вас всё, извините, личные обиды говорят!

– Ой ли, – тихо рассмеялся Шулегин, – а помните тот фильм «Человек с ружьём», где солдату, приехавшему с фронта, Ленин говорит: «А винтовочку-то не бросайте, она вам против буржуев ещё пригодится!» И лозунг ведь был: «Превратим войну империалистическую в гражданскую!»

– Ну и правильно, – обрадовался Владимир. – Умно подстраховался! А этим буржуям надо было не рыпаться, а мирно отдать власть народу...

– Народу ли? – тихо рассмеялся Шулегин. – Да не народу, а партии большевиков!

– Так ведь она народ и представляла! – обрадовался Климов, чувствуя, что неожиданно для себя выигрывает спор.

– Молодой человек, вот вы говорите: большевики народ представляли, а вы хоть слышали, что такое Учредительное собрание?

– Ну, что-то слышал, буржуи собрались и говорильню устроили, чтобы внимание отвлечь...

– Да не буржуи, а все сословия населения России были в нём представлены, все нации, вся Россия, со всех уездов – и крестьяне, и рабочие, и служащие, и священники, и дворянство – весь русский народ должен был проголосовать за новое правительство! В случае успеха это

было бы величайшим событием за всю историю России. Любой другой путь вёл к гражданской войне...

– Ну и что?

– А то, что и большевики там были, и представились на голосование.

– Ну и что? – тупо повторил Володя, уже предчувствуя очередную ловушку.

– А то, что прокатили ваших большевиков – вот тогда им и понадобились винтовочки!

На кухню вошла недовольная Полина Ивановна.

– Вы чего тут расшумелись? Николаич, спать бы шёл, и ты Вовка чего расселся?

– Ой, наплюсь скоро на том свете, Полина Ивановна! А с Володиёй так поговорить приятно старику!

– Типун тебе на язык, Николаич, про тот свет, – недовольно буркнула Полина Ивановна, открыла заслонку в печке, стала ворошить кочергой и подкинула брикет.

Зашла Марта с бутылочкой манной каши и поставила на плиту разогреваться. Через минуту сняла и так же молча вышла.

– Что случилось, мама? Что с ней?

– А то, что снова сегодня приходил к ней этот ваш похабник и балабол.

– Виктор Павлович, замполит? – помрачнел Володя, вспомнив круглую, плутоватую и красную от неумеренной выпивки физиономию.

Виктор Павлович Полубаков был политрук флотского коллектива эсминца «Быстрый», да к тому же ещё капитан второго ранга. С капитаном Криницким у них были отношения натянутые. Как кадровый моряк, Криницкий внутренне презирал этого «капитана», бывшего интенданта, моря не нюхавшего, однако держался с ним подчёркнуто корректно. И, хотя весь экипаж был на стороне капитана, замполита побаивались, потому что знали – стукач по должности и по призванию, к тому же дурак, а дурак, и к тому же подлый, может любому навредить. Пытались его с корабля под разными предлогами убрать – но не получалось, ибо, как говорили, был он рекомендован свыше. Последнее время замполит зачастил к Климовым в гости, причём дважды уже приходил в отсутствие Климова, явно выпивший, под видом проверки условий быта подчинённых. Марта его тихо ненавидела – она сразу звала Шулегина, который оттаскивал Полубакова «на чай» на кухню, где замполит агитировал старого профессора отдать пенсию на облигации государственного займа. Шулегин и так нищенствовал, но вынужден был на половину пенсии покупать ничего не стоящие и не сулящие ему облигации. Полубаков же хвастал, что свою зарплату тратит на облигации, хотя было известно, да его круглая морда о голоде не напоминала, что был он на казённых харчах, а вот где деньги на водку находил, оставалось для всех тайной за семью печатями.

– Я его выгнала, – объявила Полина Ивановна.

– Как выгнала? – слегка испугался Володя, – ведь он мне рекомендацию в партию должен давать...

– Да так, тряпкой половой маханула, чтоб к Марте не приставал, а то ишь ты, кот драный! Глазки масляные, так и бегают! Тьфу!..

– Мам, да ведь он же капитан! – рассмеялся Климов.

– А мне хоть капитан, хоть адмирал, пушай здесь не шляется по чужим жёнам!

В голове будто что-то кипело от противоречивых чувств, и Володя, перед тем как пойти к Марте и сыну, чтобы хоть как-то успокоиться, накинул на пижаму китель и, спустившись по внутренней лесенке, вышел на каменное крылечко. По железному козырьку, под которым он стоял, барабанил дождь, вода журчала в водосток. Он достал сигарету и, чиркнув спичкой, закурил. Невдалеке, в садике напротив дома, у столетней липы, что-то вспыхнуло и погасло, будто кто-то тоже курил. Ему показалось даже, что на миг он увидел высокий, как у рыбаков, резиновый капюшон, но, приглядевшись, ничего больше не заметил, кроме чёрных ветвей

липы, освещенной слабым светом, падающим из окон кухни: может, человек отошёл за дерево, прикрыл огонёк рукой или вовсе ушёл.

Вспомнилось, как в детском саду воспитательница-комсомолка учила их маршировать, «как солдаты». И с каким удовольствием лупил он палочками в трескучий игрушечный барабан, как гордился игрушечной буденовкой с красной звездой и деревянным пистолетом!

Ленинский урок в школе...

– Ленин не бог, – вещала учительница, темноглазая, в круглых тёмных очочках, немного похожая на бульдожку, – но такой человек, который раз в тысячу лет рождается! Гений – не то слово. Гений – он обычно в чём-то одном гений, а Ленин был гений во всём! Школу, ребята, закончил на отлично... Чего бы ни касался – во всём он разбирался лучше всех: и революционное движение, и музыка, и живопись... все науки познал! А добрый был необыкновенно: в него Каплан стреляла, а он её простил...

Тут следовал возмущённый гул в классе: «Ну, это он зря! Расстрелять надо было!»

А Шулегин рассказал, что и расстреляли почти сразу после покушения. Кому верить?

– А Сталин, дорогие ребята, – продолжала учительница, блестя за круглыми очочками тёмными глазами, – Сталин – это Ленин сегодня!

– Такой же умный? – летел из класса вопрос.

– Да, ребята!

– И учился на отлично?

– Конечно! Представляете, как вам повезло, что вы живёте в советской стране? А как живут ваши сверстники в капиталистических странах, в Америке, Англии? – Голодают, роются по помойкам, учиться им запрещают, гонят детей в шахты угольные за гроши, они там гибнут. Всё это называется ЭКСПЛУАТАЦИЯ чужого труда. В нашей стране эксплуатации нет!

– Надо англичан освободить! – кричали в классе, и он кричал.

А у нас, – продолжала учительница, – Сталин и партия заботятся о каждом из нас, о каждом! – Она многозначительно поднимала короткий палец, и счастье и восторг от её слов распирали маленькие сердца.

А учительницу эту почему-то не очень любили другие учителя, да и детей к ней не тянуло... И вела она только такие политические уроки. Ходила по коридору одна, нахмуренная, сосредоточенная, громко и уверенно стуча толстыми каблуками.

«Ленин... Ленин... Детей любил! Детей любил! – Все же писатели об этом пишут, и газеты... и картины художники рисуют: „Ленин и Дети!“ И он лагеря устроил? Нет, не может быть!»

Неожиданно дверь скрипнула, и на каменный парапет, будто преследуя его, вышел Шулегин. «Господи! – невольно взмолился про себя Климов. – Только не сейчас! Только не всё сразу!»

Дмитрий Николаевич, ни слова не говоря, закурил свои папироски от своих спичек, и так они некоторое время стояли молча, вслушиваясь в шум дождя и журчанье воды.

– Шли бы вы домой, – посоветовал Климов, – не ровен час простудитесь.

Шулегин только тихо и сухо рассмеялся, прокашлялся и, ни слова не говоря, снова задымил рядом.

Но тут уж Климова, будто помимо воли, прорвало.

– Дмитрий Николаевич, ваше время ушло навсегда, навсегда, – повторил он жёстко.

– Да, навеки! – тихо и покорно ответил Шулегин. – Навсегда...

Климов ожидал чего угодно – спора, возражений, но только не этой тихой и вялой, как этот дождь, покорности. И это его почему-то ещё больше разозлило.

– А скажите-ка тогда, почему народ пошёл за красными, и они победили, а не белые?

Шулегин тихо рассмеялся.

– А зачем вам это знать, советскому офицеру? Ведь вы человек честный и только тяжелей от этого будет!

– Знать хочу ваше мнение, ну а хуже или не хуже, ещё неизвестно, Маркс учил любое явление исследовать и научно объяснять. Какой же я коммунист, если буду от неудобных вопросов, как страус, прятаться?

Снова сухой смех и покашливание.

– Я люблю наш русский народ.

– Вы?! – поразился Климов и недобро рассмеялся.

– Я, а что вы удивляетесь? Только русский, а не советский...

– Какая разница? – удивился Климов.

– В том-то и беда, что уже почти никакой.

– Объяснитесь! – потребовал Климов гневно, чувствуя, как в пальцы покалывает ярость. Ему иногда казалось, что этот старик или водит его за нос, или выжил из ума, но Володя сдержался.

– Хорошо, попробую... – Дмитрий Николаевич смял папироску и выкинул её в сад.

– Издревле в нашем народе русском существовали, взаимно боролись две ипостаси – святость, стремление к правде и разбойная лихость...

Ему захотелось привести примеры: старцев, Сергия Радонежского, Иоанна Кронштадского, нестяжателей – с одной стороны, а с другой – разбойников: Стеньку Разина, резавшего детей и женщин, Пугачёва, но он вовремя спохватился: не из боязни – просто в советских школах учат совсем другому: разбойники возведены в народные герои, ну а имён священнослужителей этот молодой человек просто и не слышал.

– Ну и? – непонимающе уставился на него Климов.

– Ну и использовали большевики умело жилку разбойную, разинскую, а стремление к святой правде ложной сказкой заменили...

– Это вы о коммунизме что ли? Ну уж нет, вот в коммунизм я верю, вот дать бы вам посмотреть лет хотя бы через двадцать! Не могут быть такие жертвы напрасными!

– Вот вы и посмотрите, а я, боюсь, – не доживу! – усмехнулся Шулегин. – Очень вовремя гикнул ваш Ленин – «Грабь награбленное!» Вот и пошёл мужик, не дожидаясь Учредительного, делить земли помещичьи. Вот на этом мужике Ленин и выехал в Гражданскую! Только вот лозунг «Земля – народу» мужик и Ленин по-разному понимали. Мужик думал: дадут ему свой кусочек землицы, а Ленин загнать его в коммуну хотел, чтобы ничего своего, а всё общее! Вот откуда и коллективизация!

– Дмитрий Николаевич! – воскликнул Володя, скривившись, как от зубной боли. – Да я же про то и говорю! Коллективизацию Сталин выдумал, а Ленин землю всё ж мужику дал, НЭП ввёл...

– Да, – усмехнулся Дмитрий Николаевич, – только сначала всех в коммуну пытался загнать, а после Кронштадского восстания понял, что рано ещё, вот и НЭП ввёл... А так бы...

– Ну, знаете, история не знает сослагательных наклонений!

– Да-да, Володя, не имеет.

Они докурили молча ещё по папироске, думая каждый о своём, и снова на миг вспыхнул у липы огонёк.

– Нет, там точно кто-то есть! – указал рукой Климов.

Дмитрий Николаевич смотрел в темноту, шурясь.

– Стоит, говорите, ну и пусть стоит – того, что мы говорили, там из-за дождя не слышно. А вообще я устал бояться – и ГПУ, и Гестапо... Пусть себе мокнет, а мы в тёплый дом пойдём.

Ночь

Володя подбрасывал маленького короля Артура, и тот повизгивал от восторга.

– Осторожно, осторожно! – слабо улыбалась Марта.

Володя прижал к груди мягкий горячий комочек, будущего человека, и вдруг почувствовал, как что-то теплое проливается ему на грудь. Описался, что ли? Пощупал рубашку – сухо! Надо же! Какое мощное излучение энергии жизни, роста от этого маленького комочка! В это мгновение сердце крепко гордостью отцовства, но в следующий миг при мысли о беде сына цепенело, становилось бесчувственным и неподвижным, как эстонский валун, но затем его охватывали стыд и страдание за эту бесчувственность.

Он осторожно поставил сына в манеж. Светлые, ни на что не устремлённые глаза ребёнка сияли, будто он созерцал что-то находящееся не во вне, а внутри него самого. Артурчик стоял, держась за край манежа, прислушиваясь к знакомым голосам.

– Па-па! – проговорил он, весело взмахнув пухлой ручкой. – Э-ма!¹ Где баба?

Всё время, пока Марта была на работе в школе, Полина Ивановна разговаривала с ним по-русски, приходила Марта и говорила с ним по-эстонски – два таких разных языка с одинаковой лёгкостью входили в ребёнка. Полина Ивановна хмурилась, когда слышала эстонский, но ничего не говорила.

– Ма armastan sino ema!² – поворачивал лицо к матери ребёнок. – Я люблю тебя, папа! – поворачивался он к отцу.

Володя вдруг почувствовал, как тяжело сейчас Марте: уголки рта её были сжаты, и обнял её за плечи.

– Был доктор Тух, – сказала Марта. – Говорит, что есть надежда...

Володя печально улыбнулся.

– Как жаль, что он не увидит наше море! – вздохнула Марта.

– Марта, я найду лучших врачей окулистов, я поеду в Москву, я всё сделаю... Я...

Она прижала палец к его губам: – Тихо... Не говори так много...

Подошла Полина Ивановна, шаркая не по размеру большими тапочками. Ей было всего лет пятьдесят, а выглядела старушкой, хотя и крепенькой: сухонькая, щёки и лоб морщинистые, в гармошку.

– Однако идите, идите отдыхать, я с ним побуду...

Дождь за окном не унимался. Они лежали на отдельных кроватях с проволочными скрипучими матрасами, стесняясь пошевелиться лишний раз, чтобы не быть услышанными Полиной Ивановной, которая ночевала в комнате с ребёнком, устроившись на диванчике.

В голове у Володи будто карусель кружилась: Артурчик, Марта, мама, он на вахте в ходовой рубке «Быстрого», ошетилившаяся мутно-зелёными гребешками Балтика, с длинными параллельными пенистыми белыми шлейфами от горизонта к кораблю поперёк волнового фронта – будто тягучая слюна ветра, Шулегин, торжественно держащий золотую букву ять... Карусель кружилась, и в ней всё чаще мелькала хамски смеющаяся круглая рожа замполита Полубакова, и кулаки сжимались: как он смел приставать к Марте! И не впервые! Мог и руки распустить, гад – Марта об этом не скажет! Только молчаливо будет ждать от него, мужа, защиты! Морду набить! Но... вышестоящий по должности, да ещё замполит, да ещё должен ему характеристику подписать в кандидаты в члены партии. У-у гад, думает – ухватил за жабры Климова!..

¹ Мама – (эст.)

² Я люблю тебя, мама – (эст.)

– Рауль приходил сегодня, – неожиданно в темноте тихо сказала Марта.

– Зачем? – безразлично спросил он.

Рауль был одноклассник Марты, когда-то безнадежно в неё влюблённый. А может быть, и до сих пор... Но он был настолько рыхлый, белобрысый и вялый, что не вызывал у Володи абсолютно никакого чувства ревности. К тому же Рауль всегда соблюдал положенную дистанцию: приходил не чаще раза в месяц, по воскресеньям, когда Климов обычно бывал дома, непременно приносил Артуру конфету или какую-нибудь игрушку, Марта усаживала его на кухне, угощала какао и, немного поговорив об одноклассниках, уходила, оставляя Рауля на Володю. Рауль, смотря на клён за окном, медленно и рассудительно рассказывал о погоде, о структуре хвойных иголок, позволяющей пережить соснам зиму, о ремонте книжных полок... В его присутствии Володе нестерпимо хотелось зевать. Впрочем, Рауль временем не злоупотреблял – отпив какао и отсидев минут пятнадцать-двадцать, уходил, церемонно раскланиваясь.

– У него арестовали отца, – спокойно сказала Марта.

– Как, за что? – чуть не подскочил Климов.

Марта молчала, и он знал значение этого молчания: вокруг них последнее время то и дело кого-то арестовывали ни за что.

– Может, разберутся, выпустят... – сказал он почувствовав, что краснеет от лжи: они знали, что «оттуда» никто не возвращается.

– Он пришёл в последний раз, попрощаться, – сказала Марта. – Просил тебе привет передать.

– Что значит попрощаться?

– Он собирается уехать куда-то, очень далеко... навсегда.

– Да разве от них сбежишь? – горько усмехнулся Климов.

Марта промолчала. Она не стала говорить мужу, что Рауль сказал ей: «Я уйду в лес!» И она поняла значение этих слов: Рауль решил взять оружие. «Но тебя же убьют», – сказала она тогда, чувствуя, как наворачиваются на глаза слёзы. «Какая разница, – отмахнулся он. – А что, лучше сидеть и ждать, пока тебя арестуют, и сгнить где-то в Сибири?..»

Ужасно, думала Марта, если бы у него, хотя бы была любимая девушка, ради которой он смог бы остановиться!..

«Просто я хочу сказать, – Рауль смотрел куда-то в окно, – что я тебя любил, люблю и буду любить».

Марта взяла двумя руками его голову, повернула к себе и поцеловала в губы...

«Этот единственный поцелуй я буду помнить всю жизнь...» – сказал он без пафоса и увидел, что Марта ласково улыбается. Молча повернулся и вышел, а она смотрела в окно на его удаляющуюся фигуру.

«Дай Бог тебе хорошую девушку, – думала Марта».

Володя пытался заснуть. Снова закрутилась детская карусель. На лошадке Артурчик размахивал ручками и радостно кричал: «Я вижу! Вижу!», и он с Мартой в фаэтончике, Полина Ивановна на автомобиле в лётном шлеме, Шулегин на огромной золотой букве ять... Неожиданно между цепями возникла круглая рожа Полубакова во флотской фуражке. «А-а, попались!» – орал он и хохотал, руки его необыкновенно вытягивались и тянулись к Марте....

Климов проснулся от стука в дверь. Ни слова не говоря, они с Мартой включили свет и стали быстро одеваться. Дверь в их комнату неожиданно открылась. На пороге стояла Полина Ивановна в ночной сорочке.

– Не открывайте! – сказала она. – Не открывайте!

– Мам, как же не открывать, а если на «Быстром» аврал?

В дверь стучали всё сильнее и грубее.

Они вышли в коридор, и каждый боялся сказать то, что думал. Здесь же уже стоял Шулегин в смятой пижаме и шурился.

– Кто там? – спросил Володя.

– Дворник...

– Какой ещё дворник в два часа ночи, не открывайте! – хватала за руки Марту Полина Ивановна.

– От судьбы не уйдёшь, – сказала Марта, кивнув мужу, и он открыл дверь.

Перед ними и в самом деле стоял дворник с огромной метлой, а за ним виднелись фигуры с торчащими из-под капюшонов козырьками фуражек. Незнакомцы быстро оттеснили дворника и бесцеремонно, топая сапогами, вошли в коридор. Вода стекала с плащей, фуражки были с синим верхом – фуражки «сотрудников органов».

– Здесь проживает гражданин Шулегин?

– Я Шулегин, – как-то вытянулся и поправил очки Дмитрий Николаевич.

– Вы арестованы!

Политграмота

Кубрик эсминца «Быстрый» был забит офицерами и матросами. Было душно, несмотря на отпахнутые иллюминаторы, за которыми стоял белый туман. Матросы балагурили, кашляли, кто-то попытался закурить, но на него тут же наорали, и попытка была пресечена.

Матрос Первушин, недавно мобилизованный из Тульской области сельский белобрысый паренёк, салажонок, уже застелил красную скатерть под небольшим портретом вождя на стене, ближе к потолку, откуда вождь будто лично бдил свыше за происходящим. Первушин поставил на стол фанерную трибунку, которую обычно использовал для своих выступлений замполит, и хотел было смыться, как кто-то зашипел: «Графин! Графин, мать твою! И стакан гранёный!» Первушин дёрнулся, кинулся куда-то, мелькнув синим с белыми каёмочками воротником, и на трибунке возникли графин и стакан.

По узкому проходу уже протискивался, набычась, слегка наклоняя круглую лысоватую башку влево, Полубаков. В руке у него была папка с бумагами – газетными вырезками и конспектами. Впрочем, во время выступлений, в отличие от других замполитов, он в них почти не заглядывал, целиком полагаясь на своё вдохновение. Кроме папки он зажимал в руке ещё какой-то предмет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.